

вызвала в таких кругах чувство жалости к «польским патриотам». Вот, напр., как вспоминает о своей встрече с высланными из отошедших к России польских областей офицерами-поляками А. С. Пишчевич, русский драгун, впоследствии перешедший на гражданскую службу. Уже после первого раздела Польши в 1772 г. в Полоцке все поляки приносили присягу перед русским комиссаром. Тем не менее в Тамбове автору воспоминаний пришлось быть свидетелем такого случая: «Человек с полтораста пленных поляков, в числе которых находились три офицера, приведены были из своей отчизны в сей город, которыми долженствовали пополниться убылые места в Тамбовском гарнизонном батальоне. Сии несчастные уже раз присягали на верность монархини российской, но тамбовской комендант полковник Булдаков вздумал их еще раз заставить целовать крест и евангелие греческой веры, будучи они католики. Один из пленных офицеров осмелелся предложить, что они уже раз присягали, так чтоб им истолковали, в чем будет состоять вторичная присяга их. За такое любопытство невежда комендант сему порядочно воспитанному поляку велел к спине приложить около тысячи полновесных палочных ударов. Таким образом поступаемо было с польскими патриотами в России! Всякую боль надлежит к себе применить, почему и не можно не соболезновать о участи сих несчастных, которые, защищая свои права, свое отечество, переменчивым счастьем войны достались в наши руки, а с ними поступают как с тварью». В глазах свидетеля описанной сцены, как и в глазах многих его русских современников, поляки защищали свои права, свое отечество, а вовсе не были теми бунтарями, какими их объявляла декларация Екатерины, объяснявшей свою помощь Тарговицкой конфедерации. Но, разумеется, вслух такое сочувствие высказывать в условиях русской жизни не приходилось, а потому нет ничего удивительного в том, что и наша сатира сохранилась в единственном списке.

Да и самая форма этих сатир-пародий не для всех еще была приемлема. Если современники обвинили в кощунстве Ломоносова за «Отче наш саксонских крестьян», то в данном случае, кроме непривычного для русских читателей пародирования церковных молитв, сатира могла напугать некоторых и той смелостью, с какой она нападала на верховную власть. Характерно, что почти сто лет спустя Д. Иловайский, представитель определенно реакционного мировоззрения, публикуя польский оригинал Тарговицких молитв, замечает: «Как кощунство упомянутых пародий делает их неудобными

18

¹ Жизнь, им самим описанная. Русский быт в екатерининскую эпоху, Нерр., 1922.